

Собор Санта Мариа дель Фьоре
Флоренция, Италия

С. Б. Сорочан

РОМЕЙСКОЕ ЦАРСТВО И ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ: ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ

К началу XV в. некогда великая Византийская империя – славное Ромейское царство – уходила в небытие. Турецкий пресс давил со все возрастающей силой и последнему восточному бастиону христианства перед гибельной мусульманской угрозой оставалось только надеяться на помощь со стороны единоверцев. Как ни было ему тяжело, василевс ромеев Иоанн VIII Палеолог все же решился на милый сердцу византийских «западников», «диссидентов»-латинофилов союз с папским престолом. Он поддержал давно зреющую после первой, несбывшейся, мимолетной Лионской унии 1274 г. идею объединения Греческой и Латинской Церквей, в которой видел единственный шанс на спасение своей страны от вплотную надвинувшейся беды. Ромеи как никогда прежде были готовы решить этот вопрос на новом церковном Соборе. Последняя карта в политической игре после многих десятилетий колебаний, проволочек, затягиваний была, наконец, разыграна. Будучи вассалом султана турок-османов, Иоанн VIII поставил в известность Мурада II о своем намерении поехать в Рим. Тот, разгневавшись, ответил, что помощи надо искать не на Западе, а на Востоке, у турок, – от латинов же бежать подальше. Но, поскольку османы не просто наступали, а, образно говоря, уже стояли у ворот, это превысило боязнь василевса навлечь на себя недовольство врагов союзом с Западом, с Папой и вызвать недоверие у собственного народа, как в свое время, в XIII в., это случилось со злополучным восстановителем Ромейского царства, Михаилом VIII, основателем династии Палеологов, к которой принадлежал сам Иоанн.

27 ноября 1437 г., подчиняясь настоянию латинской стороны, оплаченная Папой Евгением IV эскадра из восьми кораблей, включая три венецианских торговых судна и флорентийский корабль, покинула константинопольскую гавань и в обход Греции, с множеством промежуточных остановок, взяла курс на Италию. На борту этих наемных кораблей (своих судов у обнищав-

шего василевса ромеев уже давно не было), кроме представителей папской партии, латинов, находились ромейские почетные гости: сам император, его брат, интриган Димитрий, которого побоялись оставлять в столице, симпатичный, величавый, но не очень ученый, едва передвигавшийся 80-летний Патриарх Иосиф II, клирики, игумены, архимандриты ряда монастырей, более двух десятков высших ромейских архиеереев, представители придворной знати и несколько мирян-философов, интеллектуалов – в конечном счете необычно много – около 650–700 человек.

Через два месяца, 8 февраля 1438 г., после длительного, полного тягот и опасностей изнурительного зимнего путешествия, православная делегация, которая включала латинофилов и ортодоксов, добралась до жемчужины Адриатики – Венеции. Здесь их с невиданной пышностью, едва ли не помпезным театрализованным представлением, призванным продемонстрировать мощь Республики Св. Марка, встретил дож Венеции на громадной, изукашенной парадной галере – знаменитом «Буцентавре». Но прибывшие измотанные ромеи вместе с расхворавшимися в тяжелой дороге императором и мучимым ревматизмом, едва передвигавшимся стариком-Патриархом скоро смогли убедиться, что на Западе тоже масса своих сложнейших проблем и, самое главное, царит раскол. Надо было решать – следовать ли к Папе Евгению, в итальянскую Феррару, куда он, по сути дела, сбежал из Рима вследствие бунта знатного семейства Колонна, или отправиться на антипапски настроенный реформаторский Собор, уже давно заседавший в швейцарском Базеле и собиравшийся решительно ограничить права Папы, даже свергнуть его с престола. Главными интриганам тут выступали подданные набиравшего силу французского короля Карла VII, в частности, Парижский университет, поддерживавший идею верховенства Базельского собора над Папой. В любом случае, следовало не медлить с выбором, ибо Евгения IV крайне тревожили опасные реформационные, а по сути, раскольнические для католиков действия Базельского собора. Стремясь перетянуть на свою сторону василевса и его клир, он не брезговал никакими средствами, давал щедрые обещания и нещадно торопил ромеев, прекрасно понимая, что объединение Греческой и Латинской Церквей под эгидой римской курии укрепит его позиции против «базельцев», которые дошли до того, что устраивали на рейде Константинополя угрожающие папским кораблям морские маневры. Венецианские же власти, хоть и папские союзники, побаивались раздражения могучего турецкого султана, да и попросту не желали, чтобы византийцы, которых надо было достойно, а значит, накладно содержать и селить, попусту задерживались в их городе.

После колебаний был все же выбран путь на дождливую, зимнюю Феррару, к ожидавшему здесь в герцогском дворце Папе Евгению. Последний

радушно встретил прибывших ромеев, даже обнял их императора и пожал руку Патриарху Иосифу, хотя они категорически отказались выполнить требуемый давний латинский обряд – поцеловать папскую туфлю. Иосиф нашел для этого достойный ответ: «Если Папа – преемник апостола Петра, то мы – преемники других апостолов. А разве другие апостолы целовали ноги Петру?». Греки явно хотели абсолютно во всем чувствовать себя на равных с латинами и даже в мелочах этикета не уронить остатки достоинства.

9 апреля 1438 г., в среду Страстной недели, в Ферраре наконец состоялось торжественное открытие совместного Вселенского собора, который, впрочем, из-за разразившейся летом чумы, щадившей византийских делегатов и косившей латинских, а особенно же церковных посланников с Руси, после четырнадцати заседаний, в начале следующего года решили перенести в большую, богатую Флоренцию – она была подальше от ставшего не на шутку угрожать Ферраре заклятого врага Папы герцога Миланского, который был не прочь захватить Евгения в плен. Самое главное, здесь было больше надежд на бесплатное проживание, финансовую помощь как греческой делегации, так и на аванс исчерпавшему свои ресурсы и находившемуся в крайне стесненных обстоятельствах римскому понтифику со стороны флорентийской Сеньории и ее правителей – знаменитых Медичи, богатейшего семейства банкиров и меценатов. Из-за этого переноса Собор и получил у историков двойное название – Ферраро-Флорентийский.

Собор 1438–1439 гг. стал, по сути, религиозным диспутом по наиболее спорным, ответственным доктринальным вопросам – об исхождении Св. Духа, о латинской добавке *Filioque* («и от Сына») к Символу веры, о чистилище – существовании промежуточного состояния испытания душ после смерти и, конечно, о главенстве Папы. Показательно, что, несмотря на многомесячные ожидания, к разочарованию императора ромеев ни один европейский правитель лично так и не прибыл на Собор, а некоторые западные государи и архиереи, ссылаясь на свою убогость, голод и чуму, не отрядили даже посольств. От нескольких восточных послов деспота Морей, Трапезунда, Грузии и крошечной Молдовлахии толку было мало. Небольшая монофиситская делегация, представлявшая Армянского католикоса, вообще добралась до Флоренции уже после подписания Папой соборного декрета с греками. Таким же никчемным, символическим оказалось заключение унии с христианами-коптами Египта и Эфиопии, если не считать того, что это встревожило египетского султана. В дальнейшем пустой окажется и уния Римской Церкви с сирийцами Месопотамии и киприотами. Ее признают Польша, Литва, Киевский князь Александр (Олелько), свояк Московского князя Василия, но не сам Василий, грезивший о гегемонии Москвы на всех русских землях. Уния греков с Ла-

тинской Церковью будет видеться ему как отход от Православия: он не находил ни малейшего политического резона подчиняться Папе и тем более вступать в вооруженную конфронтацию из-за царя греков – вассала султана «неверных» с самим турецким султаном.

Начавшись достаточно сдержанно, с затяжками, с неформальных дебатов, заседания Собора постепенно переросли в ожесточенную публичную полемику между латинами, проуниатски настроенными «западниками» и антилатинской православной партией. Атмосфера собрания временами весьма напоминала массовый психоз. В нервной обстановке дело едва не доходило до рукоприкладства, бушевали эмоции. Если верить записям о дебатах – «Греческим актам» – «Практика» и их латинскому варианту, прочим сохранившимся отчетам-дневникам, мемуарам, обычно выдержанные, благовоспитанные, почтенные отцы Церкви опускались порой до площадной брани, какой позавидовали бы завсегдатаи грязных, задымленных таверн.

Латинофилов или латинофронов, то есть людей, симпатизирующих латинским взглядам, более того, даже мыслящих по-латински, в качестве оратора представлял острый на язык ученый грек Виссарион, а «рупором» ортодоксов, их «оборонцем» был не менее красноречивый непоколебимый ревнитель Православия, чернявый экспансивный монах Марк Евгеник. Для поднятия реноме обоих незадолго до Собора рукоположили соответственно в митрополитов Никейского и Эфесского: в упадочном, забывавшем тягу к наукам осколке Ромейского царства, каким являлся Константинополь, явно не хватало высокообразованных, эрудированных кадров. Латинофилы симпатизировали латинской мудрости, латинской догматике и любой ценой жаждали объединения с Римской Церковью для спасения остатков Ромейского царства от турок. Простодушные ортодоксы, с детства, с молоком матери впитавшие верность преданию своих отцов, тоже считали, что объединение возможно, но только посредством убеждения латинов в истинности вероучения Греческой Церкви, и, не имея, по сути дела, никакого реалистичного, конкретного плана спасения, более уповали на Бога.

Самое прискорбное, ни те, ни другие, а особенно уверенные в своих цитатах и силлогизмах напористые латины, не шли на серьезные взаимные уступки доктринального плана, то есть не сеяли зерна, которые могли бы дать полезные плоды, и, значит, хотя бы теоретически примирить обе стороны, выработать некую приемлемую для греков «дорожную карту» пути к истинному единению. Складывается впечатление, что их больше пугало мнение евреев-иудеев о них, как об уклоняющихся в многобожие, и тех заблуждающихся христиан, которые, напротив, чрезмерно настаивали на единстве Бога, отрицая божественность Бога-Сына, а также

и Святого Духа. Это объясняет, почему особенно яростно шли действительно принципиально важные для богословов дебаты о сути триединства Бога, догме о нераздельной Пресвятой Троице, доказательствах единства ее божественной сущности.

Марк Евгеник, изначально предвзято настроенный в отношении происходящего на Соборе «сговора», так написал об умопомрачительных хитросплетениях метафизической мысли на спорах, почти бесплодно ведшихся в виде нескончаемых, изматывавших вопросов и ответов: «Говорить это, казалось, – петь глухим ушам или кипятить камень, или сеять на камне, или писать на воде, или другое подобное, что говорится в пословицах в отношении невозможного». В порыве гнева, выведенный из себя Виссарион обозвал своего оппонента «бесноватым». Марк, не оставшись в долгу, кричал ему вслед: «Ты ублюдок и таково твое поведение!». Другие епископы-латинофилы, Дорофей Митиленский и Мефодий Лакедемонский, разъяренные еще больше Виссариона, осыпали Евгеника оскорблениями, едва ли не бросаясь на него с кулаками. Латины тем более испытывали особенно сильную неприязнь к митрополиту Эфесскому, считая его заявления еретическими. Ораторы, погружаясь в дебри нестыкующейся латинской и греческой богословской, церковной терминологии, до изнеможения пытались переубедить друг друга, нагромождая взаимоисключающие аргументы, оглушая бесчисленными святоотеческими цитатами, к тому же различающимися в разных, не аутентичных древних книгах, кодексах. Именно эти несовпадения, иногда полное незнание неведомых грекам латинских святых авторов, западных отцов объясняют, почему ромеи часто прибегали во время дебатов к абсурдному обвинению оппонентов в фальсификации, подлоге или же просто отмалчивались. К слову, список деяний Седьмого Вселенского собора, предъявленный латинами в Ферраре, действительно оказался поддельным и еще больше усилил недоверие. В общем, у каждой стороны была своя логика и своя правда, но, как образно выразился царь Иоанн Палеолог, латины потопили греков в словах.

В такой обстановке большинство договоренностей поневоле могло совершаться только предварительно, тайком, по углам, не на публичных сборах, к которым, к слову, не были склонны сами греки, а на «закрытых встечах», закрытых дебатах между специально назначенными комитетами из ограниченного числа лиц, совещаниях греков, встречах, часто конфликтных. Именно о них довольно часто упоминается в деяниях Собора и в «Описаниях», своеобразном дневнике-отчете неизвестного византийского автора, приложенном к «Практика» – «Греческим актам». Православно настроенный патриарший диакон константинопольской Святой Софии Сильвестр Сиропул отметил по этому поводу в своих «Воспомина-

ниях»: «Данный Собор не вынес никакого решения, и не спрашивали у его участников, кто какое имеет мнение о том, что обсуждается на собеседованиях, ...все происходило отдельно, скрытно и прикровенно, ...ни во время дискуссий, ни вообще с начала работы Собора никто – ни грек, ни латин – не был спрошен и не высказал своего мнения на Соборе». Впрочем, обязательно следует учесть, что он писал сии обличительные слова через пять лет после случившегося и не мог быть полностью объективным в оценках, пытаясь задним числом обелить в том числе и свои действия, ибо Сиропул был среди тех, кто все же поставил свою подпись под решениями Флорентийского собора, от которых потом, как и прочие подписанты, отрекся под нажимом общественного мнения.

Другое дело, что силы сторон, действительно, были неравны: византийцы в большинстве своем, по их собственным свидетельствам, уступали настойчивым латинским диспутантам в знании и образовании, не понимали и половины того, что говорилось, и далеко не всегда могли отвести новые аргументы и новые тексты, которыми их заваливали. Утомленные, хмурые, упавшие духом, они чувствовали себя в меньшинстве, на чужой земле, в очень стесненных условиях, а главное, в полнейшей материальной зависимости от дотаций на содержание, которое нерегулярно, с большими задержками, впрочем, как и делегаты-латины, получали от Папы. Если верить мемуарам Сильвестра Сиропула, голодающая императорская охрана дошла до того, что стала закладывать флорентийским ростовщикам свое оружие и одежду, а патриарший протосинкелл Григорий, не добившись помощи от отмалчивавшегося василевса, вынужден был дать им на продажу свои священные наручи, чтобы выручить деньги на харчи. Верховный понтифик, хотя его охрана и щеголяла в блестящих серебряных панцирях, сам находился в сложнейшем финансовом положении, почти исчерпал свои ресурсы и даже начал распродавать или отдавать в залог некоторые итальянские города, принадлежавшие Апостольскому престолу, чтобы покрыть элементарную нехватку средств и сделанные у итальянских банкиров громадные займы. Он никак не предполагал, что заседания Собора затянутся не на месяцы, а на два года. Только за февраль-март 1438 г. Евгений IV вынужден был выплатить грекам в Италии не менее 46 733 золотых флоринов, и это не считая траты на содержание других участников Собора, собственной курии, многочисленных латинских богословов, а также двух кораблей с арбалетчиками, согласно договору с василевсом, охранявших в это время Константинополь и поглощавших в среднем по пять тысяч звонких дукатов ежемесячно.

Часть византийских делегатов, особенно небогатых, погрязших в долгах, займах, убожестве, тоскующих по дому, разочарованных и разуверив-

шихся, охваченных беспокойством, настойчивыми слухами о приближающейся к Константинополю громадной 150-тысячной турецкой армии, стала разбегаться с Собора или в любой момент готова была к этому. Судя по выдачам на дорожные расходы, из Феррары во Флоренцию в феврале 1439 г. добралось уже не более 170 ромейских клириков, причем лишь 67 из них, не считая вечно хворого, с опухшими ногами, истомленного очередным переездом Патриарха Иосифа, были клириками первой категории. Папский двор, Медичи и Синьория Флоренции, представители ее цехов устроили им торжественную, парадную встречу с толпами зевак на улицах и балконах, преподнесли подарки, засахаренные фрукты, марципаны, но внезапно хлынувший проливной дождь, будто небесный символ, суливший неудачу, заставил поспешно свернуть запланированный сценарий приема.

Чтобы сделать сговорчивее Патриарха, императора ромеев и их окружение, Папа Евгений внушал всеми возможными способами, что грекам надо перестать быть нерешительными, спорить по догматическим вопросам, настаивать на своих формулировках, показать поскорее свою добрую волю, свое согласие с унией и тем развязать чужие кошельки, обеспечить помощь христианских государей Запада, которые в таком случае, дескать, тоже станут уступчивее. 27 мая 1439 г., выступая с ответственной речью перед глубоко взволнованными представителями Греческой Церкви во Флоренции, Папа прямо заявил: «Что я могу сказать? Повсюду перед собой я вижу разделение и спрашиваю себя, какая вам с этого польза? И если так будет и дальше, как посмотрят на это западные государи? И сколько горя вы сами на себя стяжаете, ибо как вы вообще собираетесь возвращаться домой? Если же уния будет принята, западные государи, да и все мы очень утешимся и дадим вам щедрую помощь».

Таким образом, нет ни малейшего сомнения в том, что окончательное решение было продавлено, проломлено римской стороной, искренне верившей, что после этого «...святые ангелы на небесах восторжествуют и земля и небо исполнятся радостью». Василевс же, исчерпав терпение, добавил к этому, что, хотя он не имеет права принуждать синод, каждый, кто станет препятствовать этой святой унии, будет проклят более, нежели Иуда-Предатель. Тем не менее, зловещим знаком было воспринято то скандальное обстоятельство, что во время подведения Иоанном Палеологом итогов по поводу согласия большинства голосовавших архиереев о признании *Filioque*, его любимая собака зашла в лае, вое и скулеже и ее не удалось успокоить, пока хозяин не закончил речь.

«Греки знали, – лукавит Сильвестр Сиропул, снимая вину также и с тех, кто, как и он сам, подписал унию, – что орос подписан императором, под-

писали и они. Знали и латиняне, что он подписан греками и Папой, подписали и они. При этом большинство не знало, что в нем написано».

Можно лишь удивляться, что то, ради чего собрались делегации, все же свершилось. Ромеи наконец согласились на требования латинов. 6 июля 1439 г., в понедельник, в празднично убранном Флорентийском соборе Санта Мария дель Фиоре состоялась папская месса (к слову, в проведении восточной Литургии императору ромеев было решительно отказано), после чего авторитетный кардинал Джулиано Цезарини и архиепископ-латинофил Виссарион Никейский по-латыни и по-гречески торжественно провозгласили унию Православной и Католической Церквей. С этого момента христианская Церковь, находившаяся в расколе около 400 лет, вновь становилась единой. На соборном декрете, днем раньше подписанном Папой и василевсом, еще не высохли чернила, а колокола уже торжественно, празднично звонили по всей Европе, возвещая эпохальное историческое событие.

Кроме тайком уехавшего простоватого архиепископа Исаия Ставропольского, лишь ведущий лидер ортодоксов Православия, митрополит Эфесский Марк Евгеник открыто отказался принять латинские тексты и латинское учение, не подписал унии, то есть совершил грех – не подчинился решению признанного законным Собора Церкви, за что взбешенная этим латинская сторона потребовала над ним суда в Италии. Василевс, правда, отказал в этом, но по возвращении Евгеник все равно поплатился арестом и двумя годами заключения на эгейском острове Лемнос. Глава Греческой Церкви, тяжелобольной Патриарх Иосиф II не дожидаясь конца заседаний: он скороотечно умер 10 июня и упокоился во Флоренции, в монастырской церкви Санта Мария Новелла. Остальные греческие архиереи, как и латинские, подходили приветствовать Евгения IV, целуя его в колено и в руку. Произошло то, о чем все предшествующие Папы не могли и мечтать – недаром текст декрета-соглашения начинался со слов «Laetentur Caeli» – «Да возрадуются Небеса». Ромеям-ортодоксам уж точно было не до радости. В глубине души они не хотели унии. Торжественная церемония, символизировавшая заключение союза с латинами, на деле говорила о полном бессилии принимавших в ней участие ромеев-статистов, их одетого в дорогую парчу государя, – говорила о «добровольно-принудительном» подчинении Западу ценой измены вековым догматам византийской Церкви. Разделяющая обе Церкви «стена», вопреки громогласному заявлению декрета, к сожалению, никуда не исчезла. Мир и согласие, как и после заключения унии на Лионском соборе 165 лет назад, так и не были достигнуты.

Под давлением обстоятельств делегация ромеев, пусть формально, все же признала Папу римского «наместником Христа» на земле, «пастырем и учителем всех христиан», а латинское вероучение – единственно

верным. Тем самым они отрекались от веры отцов и прадедов, апеллируя лишь к тому, что раньше греческие и латинские святые одногласно договаривались и, значит, и те, и другие были правы в вере. Такова была ключевая мысль, в итоге приведшая подавляющее большинство участников Флорентийского собора к согласию. Папа добился признания своего верховенства и над Соборами, что отвергло притязания реформаторского Базельского собора и стало очень важным для сохранения традиционного строя Западной Церкви. Главные, самые весомые спорные вопросы – о Символе Веры, а именно, об исхождении Святого Духа не только от Отца или через Отца, но и от Сына или через Сына Божьего, о чистилище, о примате Папы над всей землей и Церковью – были решены в римском смысле и записаны в католической редакции. Противоречащее принятому ранее первыми Вселенскими соборами, а значит, еретическое для ромеев понятие «Филиокве» тоже принималось, хотя и без жесткого требования включить его в Православный Символ Веры. Латины сохраняли латинские епархии, которые действовали в Византии еще со времен Крестовых походов. Даже в местах с двойной юрисдикцией, где преобладали православные греки, Папа отказался отозвать латинского архиерея, оставив только греческого как духовного проводника обоих обрядов. Более того, только Апостольский престол должен был распоряжаться теми епархиями на Востоке, которые в будущем станут вакантными.

Единственное, что в утешение получил Константинопольский патриарх, – признание действительной Евхаристии не только на пресном, как у латинов, но и на квасном пшеничном хлебе, а также право самому принимать решения по вопросам веры без обращения в Рим. Таким образом, единство доктрины все же могло сосуществовать с уважением к различным обрядам и традициям в каждой Церкви. На это же надеялись и имперские власти: протоиерей Керкиры спросил возвращавшегося с Собора василевса, как им впредь вести себя с латинами, на что император ответил: «Живите по тому чину, которого держались и раньше. ...Мы так устроили и так приняли объединение, чтобы каждая сторона сохраняла свои обычаи и чин..., чтобы мы имели наши обычаи и чин, как и прежде». Пребывая в нерешительности, он, выходит, не собиравшись выполнять подписанный им декрет и, тем более, не чувствовал себя в праве принуждать к каким-то суждениям в вопросах вероучения.

В качестве компенсации за уступки Евгений IV письменно, скрепив соответствующий договор печатью, пообещал Иоанну VIII средства, необходимые ромеем для возвращения домой на наемных венецианских кораблях, обязался включить Константинополь в приносящий доход путь паломников в Иерусалим и обратно, содержать в столице Ромейского царства по-

стоянно 300 арбалетчиков и две галеры, а в случае особой нужды прислать еще 20 кораблей на полгода или 10 кораблей на год. Самое главное, Папа пообещал как можно быстрее объединить западных христианских государей на борьбу против мусульман, то есть организовать Крестовый поход, защитить греков, и Венгрия, после захвата турками Болгарии давно чувствовавшая себя как на плахе, согласилась выступить его застрельщиком.

Но, как случалось и ранее, все обязательства и клятвенные заверения латинов остались на пергамене. Истина была проста: на самом деле обе стороны бесполезно потратили время. Личной вины Папы Евгения, человека искреннего, благородного и несомненно бескорыстного, тут не было: международная обстановка никак не способствовала обещанному на условиях унии спасительному походу. Требуемых сил на него явно не доставало. Даже католические державы на Востоке получили помощь в самом ограниченном объеме, а в Константинополе папских денег порой хватало лишь на половину обещанного мизерного числа арбалетчиков, которые и без того не спасали положение. Как ни странно, не было сделано хотя бы попытки послать многочисленных пропагандистов-проповедников идей унии, чтобы посодействовать позитивному восприятию неприемлемых для ромеев соборных решений, как можно более быстро, но деликатно развеять сомнения простых греков, психологически подготовить их к крутому перевороту в ментальности, снизить градус антилатинства. Кроме того, преждевременная смерть императора Священной Римской империи Альбрехта Габсбурга отвлекла всех заинтересованных на борьбу за престолонаследие. Австрия весьма холодно приняла папского посланца. Большинство немецких князей – курфюрстов, одержимых собственным национализмом, тем более не собирались поддерживать Папу и в лучшем случае соблюдали нейтралитет, но даже этого нельзя было сказать о воевавших друг с другом правителях Кастилии, Португалии, Арагона, Наварры и особенно герцоге Милана – давнем открытом враге Папы, а значит, и любых инициатив папской курии, какими бы рационалистичными они ни были. Некоторые из них поддерживали выбранного в Базеле антипапу Феликса, что еще больше осложняло ситуацию, тем более, что Базельский собор не признал унии. Похоже, европейских владык куда больше беспокоила сумятица, вызванная борьбой за доходные епископские престолы, концентрация в одних руках многочисленных церковных бенифициев и отток денег в Рим на всякие масштабные папские проекты, нежели общее состояние религии в их странах. Правда, герцог Анжу, зарившийся на солнечный Неаполь, был готов стать на сторону Евгения IV, пока его голубые мечты не развеял король Альфонс Арагонский, в 1442 г. овладевший вожделенным неаполитанским тронem. Аристокра-

тия Франции и Англии, увязшая в близившейся к концу Столетней войне, была занята собственными судьбоносными проблемами, стоившими ей изрядного кровопускания. Во всяком случае, приказ английского короля Генриха VI проводить по всему королевству радостные многолюдные процессии и молебны по поводу унии уж точно не облегчил участь гибнущих ромеев. Мощные, но находившиеся в сложных отношениях Генуя и Венеция, практически мыслящие тороговцы-барышники, руководствовались эгоистичным, холодным расчетом коммерческого соперничества и тоже ничего не делали. Их совершенно не интересовало, униаты византийцы или нет. Им не хотелось становиться защитниками веры. Они жили торговлей и морем, скидками, размерами прибыли, состоянием наличности, а дож Венеции находился в распрекрасных отношениях с султаном. Поэтому принесенным на алтарь даже не победы, а выживания гордости и чести ромеев судилось оказаться напрасной, позорной жертвой. Такой же пустой жертвой со стороны императора ромеев стало предоставление и без того богатой Флоренции привилегий, подобных тем, что уже имели в Константинополе пизанцы. Более того, проведенные переговоры еще больше разъярили султана, весьма верно почувствовавшего в объявленных религиозных договоренностях попытку реванша, организации вооруженного сопротивления христианского мира. Часть ромеев будет до конца уверена в том, – и эта уверенность не беспочвенна, – что именно уния ускорила гибель Византии, ибо действительно вынудила турок действовать категоричнее, быстрее и решительнее. Странно, что ромейские власти, упрямо цепляясь за европейский вектор политики как за последнюю надежду, не располагали или были неспособны понять объективные дипломатические и разведывательные данные о состоянии раздираемого междоусобиями Запада, не способного реально помочь им.

Пока до окончательной катастрофы было еще относительно далеко, но лик судьбы уже исказился гримасой вместо улыбки. По возвращению греческой делегации на родину подавляющее большинство православного духовенства, монашества и простого народа весьма скептически отнеслись к случившемуся в Италии. Как и предполагалось, инстинктивное недоверие взяло верх. Раскол, вражда, рознь, внутренняя борьба как среди остатков Ромейского царства, так и за их пределами лишь усилились. Хватило таких, кто с фанатичной страстью категорически отверг унию, с ненавистью и презрением отвернулся от отступников и своего василевса, не справившегося с ролью охранителя Церкви. Ведь они более всего опасались погубить свою бессмертную душу ради низменных материальных причин и не признали Собора католиков. С их точки зрения он действительно был не столько Собором, сколько диспутом, а значит, лжесобором, на котором,

к тому же, не присутствовали официальные посольства стран Европы, кроме послов высокомерного герцога Бургундского, ни во что не ставившего Иоанна Палеолога, и даже не послов, а представителей-одиночек некоторых городов-государств, к примеру, той же двуличной Венеции. Это еще более ослабило позиции бездейственного императора ромеев, который даже не решился обнародовать постановление об унии и, действуя, по сути дела, провокационно, не принял никаких мер для воплощения ее в жизнь. Далеко не случайно беспокойный брат Иоанна Димитрий летом 1442 г. сделал попытку, опираясь на турецкую помощь и на антиуниатские силы, напасть на Константинополь и самому стать императором, поскольку слыл среди ромеев единственным членом царской семьи, который правильно толкует церковные дела и будет охранителем Православия.

Почти все, за исключением семи человек из числа тех 33 архиереев, кто добровольно поставил свои подписи во Флоренции, теперь публично отозвали их, покаялись, утверждая, что их согласия добились нечестными способами. На самом деле это был самообман ради сохранения самоуважения. Так или иначе Патриархи Восточных Церквей выразили несогласие с решением, принятым их послами. Новоизбранный Константинопольский «Вселенский патриарх» Митрофан II, разделявший взгляды василевса и начавший раздавать кафедры епископам-униатам, остался в меньшинстве, но даже он, к раздражению Папы, как равный, продолжал называть его своим «сослужителем». Правда, он пытался подталкивать Иоанна Палеолога действовать, но умер в 1443 г.

Между тем антиуниаты не желали ходить в униатские церкви. Ситуация становилась все более и более напряженной. Тревожные предупреждения, даже угрозы сторонников унии, оказавшихся в меньшинстве и в изоляции, остались безрезультатными. Задача убедить ромеев пойти совсем иным путем, чем учила их история, оказалась неподъемной, тогда как пламенные антиуниатские проповеди, инвективы, язвительные насмешки непоколебимого, неподкупного Марка Эфесского легко будили страсти и нашли повсюду сильнейший широкий отклик. Недаром его так и не решились отлучить от Церкви, а после внезапной смерти на диспуте с латинами в 1444 г. он через двенадцать лет был причислен к лику православных святых, тогда как некоторые подписавшие унию клирики стали монахами-доминиканцами константинопольской Перы-Галаты, а митрополит Никейский Виссарион покинул Константинополь, этот «Град Обреченный», уже в конце 1440 г. и окончил свои дни изгнанником, хотя и кардиналом при Папском дворе, с хорошей ежегодной денежной рентой, безуспешно борясь за организацию Крестового похода против турок. К слову, назначение вознаграждения, платы – своеобразных «грантов» от Папы несколь-

ким царским придворным и архиереям посодействовало распространению в ромейском обществе слухов, что униаты «продали веру» ради «серебра и почестей», подписали декрет за взятку. С другой стороны, оставшиеся непризнанными, не получившие таких почестей видные ромеи тоже за- таили обиду на Папу. Впрочем, будь такие милости щедрее, они все равно не изменили бы сложившуюся в обществе ситуацию.

Для большинства византийцев было гораздо важнее выживание отеческой Церкви, сохранение ее чистоты от «латинской ереси», чем забота о судьбе преходящего земного государства и выживании Ромейского царства. Турки, конечно, зло, но далеко не худшее: при всей своей жестокости и кровожадности, на веру, а значит, на душу, они не посягают. Союз же с Латинской Церковью станет губительным для души, но не сможет гарантировать даже спасение тела от подчинения османам. Примерно так рассуждали многие византийцы, мистически объясняя неудачу соборных унионистских постановлений тем, что именно «...Бог отрубил и отнял то, что должно было служить к поддержанию объединения». Упрямо цепляясь за идею богоизбранности Ромейского царства и проявляя неконформизм, они, как и в предыдущих аналогичных случаях, видели в религиозной унии страшившую их потерю идентичности как народа и, рассчитывая только на помощь с небес, по сути, отказались от своего последнего шанса на мирское спасение. Впрочем, как уже сказано, ввиду неблагоприятной международной обстановки на самом Западе этот призрачный шанс и так был предельно невелик.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385 / 1390–1463). Екатеринбург, 2018.
- Амвросий (Погодин), архим. Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. М., 1994 (репр.).
- Бармин А. В. Сочинение «В чем состоят гнусные дела римлян» (Раб. гл. 1295) // Византийский временник. 2016. Т. 100. С. 279–293.
- Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году / Под. ред. Я. Н. Любарского, Т. И. Соболев. СПб., 2006.
- Войтович Л., Домановський А., Козак Н., Лильо І, Мельник М., Сорочан С., Файда О. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. Львів, 2011.
- Георгий Сфрандзи. Хроника / Пред., пер., прим. Е. Д. Джагацпаняна // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Т. 5. С. 156–261.
- Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Пер. К. И. Лобовиковой. Самарканд, 2009.

- Гілл Дж. Флорентійський собор / Пер. з англ. М. Прокопович. Львів, 2016 (Пам'ятки історично-богословської думки, вип. 3).
- Гудзяк Б. Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000.
- Домановский А. Н. Загадки истории. Византия. Харьков, 2016.
- Домановский А. Н. Клинок мусульманского полумесяца над куполом православной Софии: Последняя битва Византии 29 мая 1453 г. // «Византийская мозаика»: Сборник публичных лекций Элліно-византийского лектория при Свято-Пантелеимоновом храме / Ред. проф. С. Б. Сорочан; сост. А. Н. Домановский. Вып. 5. Харьков, 2017. С. 219–242.
- Нурх И. Сумрак Византије (Время Ювана VIII Палеолога, 1392–1448). Београд, 1984.
- Занемонец А. В. Геннадий Схоларий, патриарх Константинопольский (1454–1456). М., 2010.
- Занемонец А. В. Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии. СПб., 2008.
- Зема В. С. Флорентійська унія та автокефалія Церкви // Український історичний журнал. 2003. № 1.
- Каллист (Властос), монах. Марк Эфесский и Флорентийский собор. М., 2009.
- Лаоник Халкокондил. История / Пер. и пред. Е. Б. Веселаго // Византийский временник 1953. Т. 7. С. 431–444.
- Красавина С. К. Византийские историки Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церквей // Византийский временник. 1965. Т. 27. С. 142–152.
- Мончак І. Флорентійський екуменізм у Київській Церкві. Унійна ідея в помісній еkleзіяльній традиції. Львів, 2012.
- Нікітенко М. Флорентійська унія 1439 р. // Людина і світ. 2002. № 2.
- Османские завоевания на Балканах и падение Византии в XV столетии (Дука, Георгий Сфрандзи) // Муртузалиев С. И. Административно-судебная и военная системы Османской империи XIII–XVII вв.: Учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. Махачкала, 2005. С. 20–38.
- Падение // Острогорский Г. История Византийского государства / Пер. с нем. М. В. Грацианского; ред. П. В. Кузенков. М., 2011. С. 662–684.
- Пашкин Н. Г. Византия и европейская политика первой половины XV в. (1402–1438 гг.). Екатеринбург, 2007.
- Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439): В 12 ч. / Пер. А. В. Занемонца. СПб., 2010.
- Acta et diplomata graeca medii aevi / Rec. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1862. T. 2: Acta patriarchatus Constantinopolitani 1315–1402.
- Acta Camerae Apostolicae et civitatum Venetiarum, Ferrariae, Florentiae, Ianuae, de Consilio Florentiano / Rec. G. Hoffman. Romae, 1950.
- Cecconi E. Studi storici sul Concilio di Firenze. Firenze, 1869. T. 1.
- Chadwick H. East and West, the Making of a Rift in the Church: From Apostolic Times until the Council of Florence. Oxford, 2003.
- Chiaroni V. La scisma greco e il Consilio di Firenze. Firenze, 1938.
- Critobul Imbriotae Historiae / Ed. D. R. Reinsch. Berlin, 1983.

- Documents relatifs au Concile de Florence. I: La question du Purgatoire a Ferrare; II: Oeuvres anticonciliaires de Marc d'Éphèse / Ed. L. Petit // *Patrologia Orientalis*. T. 15. P. 1–168; T. 17. P. 309–524.
- Geanakoplos D. J.* The Council of Florence (1438–1439) and the Problem of Union between the Greek and Latin Churches // *Church History*. 1955. Vol. 24. P. 324–346.
- Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, 1979.
- Gill J.* Church Union: Rome and Byzantium, 1204–1453. London, 1979.
- Gill J.* Greeks and Latins in a Common Council. The Council of Florence (1438–1439) // *Orientalia Christiana Periodica*. Roma, 1959. T. 25. P. 265–287.
- Grumel V.* Marc d'Éphèse. Vie – Ecrits – Doctrine // *Estudis Franciscanus*. 1925. T. 36. P. 425–448.
- Harris J.* Greek Emigres in the West, 1400–1520. Camberley, 1995.
- Hofmann G.* Epistolae pontificae ad Concilium Florentinum spectantes. Roma, 1940–1946. T. 1–3.
- Hofmann G.* Die Konzilsarbeit in Ferrara // *Orientalia Christiana Periodica*. Roma, 1937. T. 3. S. 110–140, 403–455; 1938. T. 4. S. 157–188, 372–422.
- Hofmann G.* Rodrigo, Dekan von Braga. Kaiser Johann VIII Palaiologos. Zwei Briefe aus Konstantinopel, 13. October und 18. November 1437, zur Vorgeschichte des Konzils von Florenz // *Orientalia Christiana Periodica*. Roma, 1943. T. 9. S. 171–187.
- La theologie byzantine et sa tradition* / Ed. C. G. Conticello, V. Conticello. Nurnhout; Louvain, 2002. Vol. 2 (XIIIe – XIXe s.).
- Laurent V.* Les preliminaires du Concile de Florence // *Revue des Etudes Byzantines*. 1962. T. 20. P. 5–60.
- Letters of Gregory Akindynos* / Ed. and transl. A. Constantinides Hero. Washington, 1983.
- Monumenta Conciliorum generalium saeculi XV* / Rec. E. Birk, J. Chmel, T. Karajan, E. Palachy. Vindobonae, 1857–1886. Vol. 1–3.
- Necipoglu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the late Empire. Cambridge, 2009.
- Nicol D. M.* Church and Society in the Last Centuries of Byzantium. Cambridge, 1979.
- Oikonomides N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe – XVe siècles). Paris; Montreal, 1979.
- Popoff B.* The History of the Council of Florence / Ed. by J. M. Neale. London, 1861.
- Sacrorum Consiliorum nova et amplissima collectio* / Rec. J. D. Mansi. Paris; Liosiae, 1901–1904. T. 28–32.
- Setton K. M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). Philadelphia, 1976–1984. Vol. 1–5.
- Ševčenko I.* Intellectual Repercussions of the Council of Florence // *Church History*. 1955. Vol. 24. P. 291–323.
- Vanutelli P. V.* Il Concillio di Firenze. Roma, 1899.
- Vast H.* Le Cardinal Bessarion (1403–14720). Paris, 1878.
- Viller M.* La question de l'union des Églises entre Grecs et Latins depuis le Concile de Lyon jusqu'à celui de Florence (1274–1436). Louvain, 1922.
- Walter C.* Prayer and Power in Byzantine and Papal Imagery. Aldershot, 1993.
- Warschauer A.* Über die Quellen für Geschichte des Florentiner Councils. Paderborn, 1891.
- Ziegler A.* die Union des Konzils von Florenz in der russischen Kirche. Würzburg, 1939.